

ВВЕДЕНИЕ

Мысль составить словарь народных говоров Западной Брянщины, т. е. говоров четырех бывших северных уездов Черниговщины, ныне 14 западных районов Брянской области: Воронокского, Гордеевского, Злынковского, Климовского, Клинцовского, Красногорского, Мглинского, Новозыбковского, Погарского, Почепского, Стародубского, Суражского, Унечского и Чуровичского, занимала меня давно — с 1903 г., когда я, уроженец г. Стародуба, поступил в Московский университет. Здесь проф. Р. Ф. Брандт сразу же обратил внимание на особенности произношения мной некоторых звуков, постановку ударения в словах и проч. и определил основу моей речи как белорусскую. С тех пор я занялся изучением местных говоров и собиранием материалов для словаря. Лет десять спустя, когда я работал под руководством акад. А. А. Шахматова и когда у меня уже были собраны значительные материалы по словарю, А. А. Шахматов проявил большой интерес к ним и настоятельно рекомендовал продолжить работу.

Все эти обстоятельства побудили меня к интенсивной работе по собиранию словарного материала. Мои детство и ранняя юность прошли в условиях, благоприятных для знакомства с местными говорами. Жизнь на самом краю предместья г. Стародуба в Крестелёвке среди детворы, отцы и матери которых в большинстве были неграмотны и говорили на своем местном диалекте; учеба сначала в Стародубском двухклассном городском училище, где по преимуществу была та же среда, что и на окраинах города, а потом в Глухове (б. Черниговской губ.) в учительском институте; работа после института учителем в Стародубском училище — все это дало мне большие возможности еще в молодые годы ознакомиться с местными говорами непосредственно, из живого их источника. После 1917 г. в новых условиях жизни, порожденных Великой Октябрьской социалистической революцией, у меня появились новые запросы и новые интересы, и работа над словарем была отложена.

Лишь в 1938 г., когда я поступил на работу в Новозыбковский учительский (позднее педагогический) институт, возникла мысль об окончании словаря. Студенты института в большинстве были уроженцами западных районов Брянской области, и когда перед кафедрой русского языка в конце 1938 г. встал вопрос об изучении влияния русского и украинского языков на местные говоры, они горячо откликнулись и приняли участие в работе. Это поставило перед кафедрой ряд проблем.

Прежде всего возник вопрос, как быть с материалами, собранными мною начиная с 1903 г.,—заниматься обработкой их и приступать к составлению словаря или же, предварительно дополнив их, учесть те изменения, которые произошли в словарном составе говоров в пореволюционные годы? Пройти мимо этого нельзя было—словарь не имел бы надлежащей полноты. Решено было продолжить соби́рание материалов силами студентов Новозыбковского педвуза.

Второй вопрос, вставший перед кафедрой, заключался в том, как собрать словарный материал в возможно короткое время, с наибольшей полнотой и не в ущерб качеству его?

Мною был предложен метод работы со «слепым словарем», который должен был значительно ускорить работу. По этому методу студентам предоставлялись собранные мною слова, но без указания их значения. Каждый участник должен был дать значение слова, которое было известно ему, и дать к нему пример, взятый непосредственно из жизни, с указанием деревни, где он был записан. Те же слова, значение которых неизвестно студентам и они не могли восстановить его, должны были оставаться без комментария. Вместе с тем каждому участнику предоставлялся полный простор, широкая возможность вносить все известные ему слова, не попавшие в словарь.

В тех случаях, когда участвующему в работе было известно приблизительно время (столетие, десятилетие) изменения значения слова, исчезновения его или появления вместо него нового слова, он должен был указать это при том слове, значение которого приводил. Ему также вменялось в обязанность в случае наличия в говоре двух или более слов для обозначения одного предмета или действия указывать, какой части населения свойственно было то или другое слово. Не во всех случаях, однако, удавалось с достаточной точностью установить, деревне или городу принадлежит то или иное слово, хотя бы оно и было записано в деревне; но там, где были несомненные данные для такого разграничения, они отмечались.

Работа со «слепым словарем» дала огромный материал. Сравнение вновь собранных слов с имеющимися выявило ряд интересных явлений: исчезновение из живого произношения ряда слов: *обливаниец*, *адтён*, *биржачная*, *брама*, *вёрчык*, *казинчык*, *падкол*, *падколле*, *палумисак*, *партавёсы*, *сукраментавіца*, *ша́та*, *шпитальны́й* и др.; ряд слов получил новое значение: в 10-х годах XX в. слово *биржа* уже не употреблялось в значении 'стоянка извозчиков', а означало 'извозчик'; *вилашник* в некоторых местностях стал обозначать 'ухват', а не только 'деревянная рукоятка, на которую насаживалась железная часть ухвата' и т. д.; в ряде случаев увеличилось количество слов для обозначения одного и того же предмета. Например, для обозначения кувшина мною были записаны слова: *глёчык*, *глёк*, *казинчик*, *кўхлик*, *кушы́н*, *лёмбик*; во вновь же собранных записях к ним добавились еще *гарла́ч*, *глады́шка*, *крынка*, а слово *казинчик* кое-где вышло из употребления. Я не говорю уже о потоке слов, вызванных новыми условиями жизни.

Третий вопрос, вставший перед кафедрой русского языка,—вопрос о содержании словаря, т. е. о том, какие слова должны войти в «Словарь народных говоров Западной Брянщины».

Словарный состав народной речи противопоставляется здесь словарному составу литературного языка. Следовательно, в состав

«Словаря народных говоров Западной Брянщины» должны войти все встречающиеся в народных говорах Западной Брянщины слова, неизвестные в русском литературном языке, в том числе русские областные и просторечные слова. Сюда должны также войти и слова, отличающиеся от литературного произношением по ударению: *цыга́н* и *цыга́н*, *кря́мень* и *кряме́нь*, *ря́мень* и *ряме́нь*, *щя́вель* и *щяве́ль*, *случа́й* и *слу́чай* и т. д. и слова с колеблющимся ударением: *зашчэ́пка* и *защчэ́пка*, *заку́ска* и *закуска*, *барода́йка* и *барада́йка* и т. д., а также слова, представляющие фонетическую разновидность того или иного слова: *кача́лка* и *качу́лка*, *анба́р* и *инба́р*, *аме́га* и *амёга*, *аржа́* и *иржа́*, *напря́ник* и *пупря́ник*, *арэ́ли* и *рэ́ли* и т. д. Все они имеют значение для истории словарного состава говоров и для определения путей миграции носителей его.

В затруднительных случаях, когда возникал вопрос, куда отнести слово — к народным говорам или к литературному языку, мы пользовались «Толковым словарем русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова и «Словарем русского языка» С. И. Ожегова.

Вот те главнейшие вопросы, разрешение которых предшествовало работе над словарем, начавшейся в 1939 г. Работа эта была коллективной. В ней приняли участие студенты и главным образом студенты-заочники института.

Большинство собирателей материалов для словаря не ограничались одной своей деревней, а имели связь и с другими селами своего и соседних районов; некоторые же студенты приняли участие в обработке собранных материалов, комплектовании словаря и подготовке его к печати. К концу 1954 г. словарь в основном был подготовлен к печати.

Словарный состав любого языка находится в состоянии постоянных, непрерывных изменений, и такие изменения, несомненно, происходят и в народных говорах Западной Брянщины, что отмечено в словаре. Следовательно, этот словарь иного типа, чем имеющиеся у нас словари, дающие только алфавитный перечень слов с примерами. Это словари описательного характера: они указывают только на наличие в говоре того или иного слова и носят стабильный характер, т. е. фиксируют, как говорили когда-то, те словарные богатства, какими располагал говор в момент составления словаря. Между тем в «Словаре народных говоров Западной Брянщины» по возможности показаны прошлое и настоящее словарного состава говора и постоянно происходящие в нем изменения. Отсюда следует, что для полноты описания словарного состава говоров Западной Брянщины было необходимо проследить не только изменения, совершающиеся в них в настоящее время, но и те, которые имели место в прошлом.

Мы располагаем рядом источников, содержащих фольклорные записи, дающие возможность заглянуть в прошлое словаря, отдаленное от нас периодом времени в 100 и более лет. В этом отношении интересны труды А. Н. Афанасьева, М. Н. Косич, А. Д. Нецаева, А. Ф. Полевого, М. В. Ушакова и некоторые другие, а также рукописные материалы, хранящиеся в архиве АН СССР.

Какова ценность этих источников как лексикографических материалов? Конечно, не все они одинаковой ценности. Наибольшее значение как по объему, так и по качеству материала имеет труд М. Н. Косич «Литвины-белорусы Черниговской губернии». Он содержит около 300 записей песен; записаны и небольшие разговоры в гг. Мглине, Почепе и Стародубе. Почти при каждой записи есть

указание, когда, где и от кого она сделана. Записи производились почти исключительно со слов лиц женского пола в возрасте до 78 лет, причем преимущественно от лиц в возрасте от 40 до 65 лет. Из указанного числа записей только 35 сделано со слов молодых людей в возрасте от 16 до 25 лет. Записи сделаны в разные годы; наиболее ранние из них относятся к 50-м годам XIX в., позднейшие — к концу века. Наибольшее число записей приходится на 90-е годы XIX в.

Цель труда М. Н. Косич — литературно-этнографическая: показать, как в песнях отразились разные стороны крестьянского быта. Но не без интереса относятся она и к языку записей, в частности к словарному составу. Ею указано (в тексте и сносках) значение многих слов: *барджэй, магерка, брыль, мушкаваны, хлип, бурдяны, шапавал, намётка, ксцины, брахнийка, прыклика, абыдзень* и др.

Однако надо отметить неточность или неполноту значений некоторых из них. Например, слово *анучка* у Косич 'тряпка': *Што й у свекра мяне, як анучкаю, труць*. Определение этого слова неполное: наряду с этим значением оно обозначает и 'портянка'; *перря* у Косич 'зеленые стволы лука', что неверно; *перря* 'зеленые листья (трубчатые, полые внутри) лука': *Во натайкли бабы перряй, трохи посалили, да и ели їси с хлебом, так смаина, што ажны за вушамы трящыць* (59); слово *унадились* Косич объясняет односторонне — 'утравились': *А тут яще на етых днях свиньи ўнадились у картошкы* (77), между тем как *унадицца* обозначает 'повадиться ходить куда-нибудь': *Унадиўся ён хадить к им, дак чуть не кажан день ходе*. Такие случаи надо иметь в виду при пользовании трудом Косич.

Большая по объему работа А. Д. Нечаева «Песни, записанные в селе Гарцеве Стародубского уезда», содержащая песни, загадки, разговоры, рассказы и сказки — всего 247 номеров (стр. 17—111), и небольшой (154 слова) словарь «Некоторые словарные особенности северной части Стародубского уезда» (стр. 112—121). В качественном отношении работа Нечаева несколько уступает труду Косич: в ней нет указаний, со слов каких лиц — мужчин, женщин — сделаны эти записи; записи были сделаны Нечаевым лишь в двух селах (Гарцеве, Семешкове) и двух деревнях (Абаренках и Ильбове); в словаре обычно не приводятся примеры употребления того или иного слова, а между тем для ряда слов это необходимо, например: *пасувать* у Нечаева передается как 'пойти', на самом же деле основное значение этого слова 'подвигать'; очевидно, здесь мы имеем дело с индивидуальным словоупотреблением.

Записи А. Н. Афанасьева («Народные русские сказки», 5 сказок) вызывают сомнение вследствие наличия в них украинизмов: *изненацку, женуть* и некоторые другие. Каково происхождение этих слов? Свойственны ли они говору или это явления индивидуального порядка? К сожалению, эти слова Афанасьевым не комментируются.

Из прочих источников вызывает замечания лексический материал, имеющийся в словариках в конце работ А. Ф. Полевого «О языке населения Новозыбковского уезда Гомельской губернии» и М. В. Ушакова «Описание говора местечка Мглина Гомельской губернии». Прежде всего у того и у другого не соблюден алфавитный порядок внутри букв, не всегда полно раскрывается значение слов. Так, у Полевого *биндюг* определяется словом *телега*, однако не всякая телега — биндюг, а 'телега особого устройства и назначения'; слову *телега* в говорах соответствует слово *калёсы*, и т. д.

У Ушакова также, на наш взгляд, имеется ряд неточностей, например: *мазница* 'кисточка' (индивидуальное значение слова раскрыто здесь не во всех своих значениях), тогда как мазницей называется 'дегтярка', 'деготница'; слову *люлька* дается определение 'трубка', но какая? Трубки бывают разные. Неверно определять слово *юшка* как 'животный сок' и т. д.

Как относиться к подобному рода явлениям (а они встречаются и в других источниках) — исправлять их или без изменения внести в словарь? Едва ли следует исправлять их: слово может иметь несколько значений, из которых наблюдателю встретилось только одно значение, может быть, более отдаленное от прямого (основного). Например, слово *пелегавать* мне известно было со значением 'нянчить, нежить, воспитывать'; со значением 'бить' оно мне не встречалось. Однако в работе Полевого оно отмечено только со значением 'бить', и если это значение не отмечено в словаре, то в результате получится отрыв слова от его значений, и история слова будет затеряна.

Исходя из этого, в подобных случаях следует не устранять сомнительного значения слова, а ставить после него ?! или с инициалами автора ?! П.Р. и тут же определять его значение.

Иногда указываемые значения не выходят за пределы индивидуального словоупотребления. Как реагировать на них? Включать ли их в словарь или не включать? Едва ли можно совершенно пройти мимо них, так как индивидуальное словоупотребление может служить началом будущего изменения значения слова или появления нового.

Касаясь недостатков указанных источников, надо также отметить, что общим недостатком их (кроме работы Ушакова) является отсутствие ударения в словах, по крайней мере в тех, в которых оно может быть на разных слогах.

В качестве источника использованы здесь и словарные материалы, собранные мною начиная с 1903 г. и частично помещенные в моей работе «Северско-белорусский говор»¹.

Таким образом, для словаря используются следующие источники:

а) записи словарных материалов, сделанные мною начиная с 1903 г.;

б) материалы, собранные студентами Новозыбковского педвуза начиная с 1939 г.;

в) материалы, извлеченные из печатных фольклорных записей начиная с 1862 г.

Несколько слов об орфографии приводимых в словаре примеров. В примерах, взятых из печатных источников, орфография сохраняется; примеры же, взятые непосредственно из живой речи, даются в русской орфографии с рядом изменений. Эти изменения в основном следующие: 1) неударяемые *о* и *а* во всех слогах после твердых согласных передаются буквой *а* (*вада, нагу, калхоз, галавой, баран, бараду, барьба* и т. д.); 2) неударяемые *е* и *я* ('*а*') после мягких согласных передаются буквой *е* (*земля, весной, петак, вежу, езык* и т. д.) во всех слогах, кроме слов женского рода с неударяемым

¹ П. А. Расторгуев. Северско-белорусский говор. Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров. Л., 1927, стр. 139—154.

окончанием *-я*, где оно сохраняется (*буря, воля, белая, добрая, великая* и т. д.); существительных среднего рода на *-мя*, где *я* сохраняется (*имя, время, семья* и т. д.); форм склонения, имеющих в литературном языке написание *я* (*каня, каням, о канях* и т. д.); после же шипящих и *ц* — буквой *а* (*жана, чаго, шаптать, цана* и т. д.); 3) *е* после *р* передается буквой *э* (*рэж, арэх, рэвалюцыя*), а *и* в тех же условиях и после шипящих — буквой *ы* (*прыгарэла, беры, Арына, чыста, жызьн* и т. д.); 4) неударяемое *е* после гласного предшествующего слова, согласно произношению, передается через *й*: *Я йшчэ не знаю, я йта казаў*, но нередки случаи и без такого произношения неударяемого *е*; 5) *щ*, согласно живому произношению, заменена сочетанием *шч* (*шчотка, шчавель, шчанок*); 6) введены знаки для обозначения гортанного придыхания *ɣ*¹ и *у* неслогового (*ў*) после гласных; в других же случаях (после согласных и знака препинания) — *у*; то же касается и *й*; 7) звонкие согласные в любом положении передаются, согласно произношению, без оглушения (*здзелаў, здельшчына, прозьба, ежте, мароз, сад, нож* и т. д.); 8) устранена буква *ф*; 9) на письме передается изменение согласных звуков: уподобление, исчезновение их и проч.; 10) в основу правописания положено произношение центральных говоров Западной Брянщины, характеризующееся, между прочим, таким произношением, как: *дурны, глухи, вумны; дурныш, глухиц, вумныш; ходють, носють, любють* и т. д.

Сохранение орфографии источников имеет целью дать общий колорит звуковой стороны речи в прошлом; лишь в орфографии примеров из труда Нечаева сделаны небольшие правки в передаче редуцированных звуков, а в примерах из работ Полевого устранены дзеканье и цеканье — в Новозыбковском районе оно не являлось типичным и повсеместным.

Каждое слово, вносимое в словарь, сопровождается ударением; в примерах же из народных песен и разговорной речи оно ставится только там, где имеются колебания в постановке ударения на том или другом слоге.

Насколько полно и всесторонне охватывает «Словарь говоров Западной Брянщины» жизнь и быт его носителей? Стремление дать с возможной полнотой словарный состав этих говоров было одной из задач настоящей работы. Однако полнота словаря может быть только относительной. В любом населенном пункте могут встретиться слова, не вошедшие в наш словарь.

Цель нашего словаря — дать материалы для истории словарного состава народных говоров Западной Брянщины. При составлении словаря мы исходили из следующего:

1. В говорах весьма часты случаи, когда для обозначения какого-нибудь предмета, качества, действия имеется не одно, а несколько слов. В словаре все они располагаются, начиная с первого, в алфавитном порядке и в дальнейшем приводятся в соответствующем месте по алфавиту, но в большинстве случаев уже без значения, только делается ссылка на то слово, при котором оно уже было приведено. Например, имеются следующие слова для названия кувшина: *гарлач, гладышка, глѣк, казинчик, крынка, кухлик, кушин, лембик*. Располагаются они в алфавитном порядке, но при слове *гладышка* дается указание, что оно встречается не повсеместно; при слове *гарлач* говорится, что оно также не повсеместное, а встречается главным образом в северной части территории, по соседству с

говорами Смоленщины; после слова *казинчык* отмечается, что оно было распространено в XIX и в начале XX в., а потом постепенно вышло из употребления; при слове *крынка* говорится, что оно встречалось главным образом в местностях со старообрядческим населением и т. д.

Приведение всех слов одного значения под одним словом не нарушает алфавитного порядка и не представляет затруднений при пользовании словарем. Наоборот, концентрация всех слов одного значения в одном месте весьма важна для выяснения влияний на словарный состав говора и путей распространения этих влияний.

2. В тех случаях, когда прямое значение слова в выражении неясно, дается комментарий, проливающий свет на прошлое этого слова и всего выражения. Например, *заткнуть верх* — выражение, давно утратившее свое реальное значение и в настоящее время непонятное. Употреблялось оно в то время, когда для выхода дыма из печи в крестьянских избах проделывалось отверстие в стене (к которой прилегалла печь), закрываемое после топки так называемой «затычкой», отсюда и *заткни верх*. В 80-х и 90-х годах XIX в. и позднее распространено было выражение *хоть верх заткни* (о неумелом человеке), но прямое значение его уже было забыто; или слово *проб*, которое было совершенно непонятно уже в 80-х годах XIX в., хотя весьма часто употреблялось и гораздо позднее в выражениях: *хоть пробу крычи, пробу крычу* — «замуж хачу». Значение слова *проб* становится ясным из сопоставления его с польским *proboszcz* 'приходской католический ксендз'. Отношение к ксендзу в XVI—XVII вв. и позднее в среде крестьянского и городского населения (советник и руководитель в житейских делах) объясняет происхождение приведенных выражений и указывает, что слово в выражении может жить и после того, как прямое значение его забыто.

3. Рассматривая «Словарь народных говоров Западной Брянщины» как источник для изучения истории словарного состава говора, необходимо учитывать, что слова какого-нибудь говора в известной своей части, преимущественно в бытовой, существуют не изолированно в нем, а встречаются и в других говорах. Так, говоры Западной Брянщины имеют точки соприкосновения главным образом с говорами Курской, Орловской и Смоленской областей и дают возможность судить о направлении внутренней миграции населения или колонизации. Отсюда вытекает необходимость сравнивать словарный состав народных говоров Западной Брянщины с лексикой других русских говоров. При разрешении этого вопроса использованы «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля и «Труды Московской диалектологической комиссии». Таким образом, лексические материалы, предлагаемые «Словарем народных говоров Западной Брянщины», приобретают известного рода полноту и разносторонность. Приведем примеры:

АБАБАК а) гриб-подберезовик (Ушаков); Даль: Пскв., Рязн., Калинин., Влдмр., Кирв.; ТМДК: Нвгр., XII, 58; Влдг., XI, 77. В XIX и начале XX в. можно было слышать и ПАДАБАБАК (преимущ. в городской речи): *Во кольки падабабкай нашли* (Лышичи); б) куца гречихи (Ушаков).

АБОРА завязка у лаптей. ТМДК: Рязн., X, 121; Орлв., X, 97.

БРЫД чад, дым, действующий на зрение, гарь: *Ой еки ў бани брыд! Уси вочы навыеў* (Витемля); Даль: южн, запд.; Пскв.; Нечев., 112.

В одинаковой мере это касается и слов, взятых из печатных источников: значение слов здесь иллюстрируется примерами из фольклорных записей (Косич, Нечаев, Шейн и др.) или только ссылками на источники, если в них нет примеров (Полевой, Ушаков и др.); каждый пример содержит указания на страницу источника, село, деревню. Например:

КРАЙ *предл.* у, близ, возле, подле. Косич: *Палажыла сына край дарожки, а нявестачку край далиначки* (89, Бородинка)...

КРАМНЫ купленный [товар] в магазине, лавке. Косич: *Падраў маю кашулю крамную* (75, Жуково); *Болий ни купляў крамных сарочак* (82, Росуха).

КУРЭНКА жилия изба, в которой при топке печи дым шел во двор через открытую в хате дверь. Такой способ топки назывался «по-черному». Косич отмечает, что «курных изб, называемых «курэнка», где дым через хату идет в дверь, делают мало. Теперь по большей части для выхода дыма проделывают в стене дыру, где стена прилегает к печи...» (О постройках..., 83) и др.

Подобные примеры, взятые из источников, представляют собой своего рода документацию. Они подтверждают, что данные слова не ограничиваются кругом индивидуального словоупотребления, а имеют распространение в народных говорах и закреплены практикой. В тех случаях, когда объясняемое слово встречается в каком-нибудь источнике не один раз, а несколько, в словаре указываются страницы, на которых оно встречается, но пример из фольклорных записей приводится преимущественно (но необязательно) только при одном слове. Особенно ценны те случаи, когда объясняемое слово встречается в двух или более источниках, что указывает на степень распространения слова.

Изучение словарного состава народных говоров Западной Брянщины дает возможность говорить о наличии в них лексик, характерной для русского языка и неизвестной белорусскому языку. Лексические особенности и факты фонетики, морфологии и синтаксиса говоров Западной Брянщины позволяют ставить вопрос — к какой группе восточнославянских говоров следует отнести говоры Западной Брянщины?

В своей работе «Северско-белорусский говор» я определил основу архаической части говоров теперешней Западной Брянщины как белорусскую, характеризующуюся, однако, чертами, неизвестными в такой совокупности другим белорусским говорам. Черты эти следующие: 1) твердое *p* перед гласными переднего ряда *e* и *и*, 2) отсутствие оглушения звонких согласных во всяком положении, 3) недиссимилятивное (не везде) аканье, 4) гортанное придыханье и др. Это позволяет выделить говоры теперешней Западной Брянщины в отдельную группу. То обстоятельство, что эти говоры занимают северную часть старых поселений летописных северян, послужило основанием для названия их северско-белорусскими².

² Название говоров Западной Брянщины северско-белорусскими возникло не случайно: меня тогда занимала мысль описать говоры, находящиеся на территории северян, смоленских и полоцких кривичей, радимичей и дреговичей. Но эти намерения были осуществлены мной лишь частично: дано только описание говоров на территории северян (см. «Северско-белорусский говор») и смоленских кривичей (см. «Говоры на территории Смоленщины». М., 1960).

Современное состояние говоров Западной Брянщины характеризуется усиленным влиянием южновеликорусских народных говоров и русского литературного языка. Это влияние имело место и в прошлом, но до конца XVIII в. в связи с политическим положением Западной Брянщины оно было непостоянным. Лишь с 1781 г., когда Стародубский полк (т. е. Западная Брянщина, Шептаковская и Новгород-Северская полковые сотни) вошел в состав Новгород-Северского наместничества и управление на территории в теперешней Западной Брянщине стало вестись на общих для всей тогдашней России основаниях, влияние становится постоянным и более интенсивным. Особенно усиливается оно после Великой Октябрьской социалистической революции: постепенно говоры современной Западной Брянщины утрачивают черты старой своей основы и в непрерывном изменении приобретают южновеликорусский характер. Исходя из этого, говоры современной Западной Брянщины следует называть южновеликорусскими (развивавшимися в прошлом и развивающимися в настоящем) на белорусской основе. Назвать их смешанными нельзя — здесь мы имеем не смешение языковых фактов, а постепенное вытеснение белорусских явлений южновеликорусскими.

Не являются эти говоры и переходными от белорусских к южновеликорусским. Прежде всего потому, что этим говорам не свойственны черты, характерные для говоров Западной Брянщины: твердое *р* перед гласными переднего ряда *е* и *и*, звонкие согласные в любом положении и некоторые другие явления; с другой стороны, переходные говоры от белорусских к южновеликорусским характеризуются рядом черт, неизвестных в говорах Западной Брянщины.

Не совсем удачно и определение говоров, даваемое проф. П. С. Кузнецовым. Для него — это «русские говоры с белорусскими чертами... как бы образующие переход к белорусскому языку и вследствие этого характеризующиеся некоторыми белорусскими чертами»³. Здесь говоры определяются как переходные.

Само определение «русские говоры с белорусскими чертами» создает впечатление, что русские говоры восприняли некоторые белорусские черты, чего в действительности не было. Было как раз обратное — белорусские говоры (основа говоров) восприняли и воспринимают по настоящее время черты южновеликорусских говоров и русского литературного языка.

Определяя состав современных говоров Западной Брянщины, нельзя пройти мимо того обстоятельства, что на ее территории мы имеем значительное число великорусских поселений. Не говоря уже о более раннем (1628 г.) поселении в Стародубье великорусских людей, вызванном разными причинами⁴, с конца 70-х годов XVII в. сюда устремляются старообрядцы в связи с преследованием их государством. Усилившись с конца XVII в. преследования были причиной того, что старообрядцы «оставляюще своя природная места, сродники и други, течаху в Стародубскую область и тамо пустыни населяюще. Откуда населился Белый Колодезь и Синий, Замишево, Шеломы слободы»⁵.

³ П. С. Кузнецов. Русская диалектология. М., 1951, стр. 118.

⁴ М. И. Лилеев. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье в XVII—XVIII вв. Киев, 1895, стр. 21 и след.

⁵ Там же, стр. 4.

На протяжении почти 30 лет старообрядцами было основано и заселено 19 слобод. Родным языком населения их был русский, представлявший новый источник великорусского влияния прежде всего на соседние с ними местные говоры. На первых порах это влияние было невелико. Причина — в замкнутости старообрядцев и их отчужденности. «Старообрядцы,— писал историк «раскола» М. И. Лилеев,— вообще не смешиваются с коренным населением Малороссии; как и теперь, в слободах чрезвычайно редки родственные связи с малороссиянами»⁶. Об отчужденности старообрядцев от остального населения говорится и в «Переписной книге» 1723 г.: «Въ семь же сель (речь идет о селе Демьянках)... три двора раскольниковъ: сїи всѣ крунтови и велми можлие, а селу жаднай помощи не чинять» (стр. 26).

Лишь с течением времени сглаживаются или исчезают вовсе черты, характерные для старообрядческого быта, и вместо прежней замкнутости и отчужденности появляются взаимные всесторонние связи, в том числе и родственные. В этих условиях усиливается великорусское влияние на местные говоры и поддерживается в послереволюционную эпоху русским литературным языком.

Помимо южновеликорусского влияния, говоры Западной Брянщины испытали и украинское влияние, когда Западная Брянщина входила в состав Украины (1654—1782). Это влияние не было глубоким. Наиболее интенсивно оно было в административных центрах (гг. Стародуб, Погар и др.) и сказалось главным образом на словаре, ударении и в меньшей степени на грамматическом строе и фонетике.

Наконец, на основании данных словарного состава говоров надо сказать и о некотором польском влиянии, имевшем место во время нахождения Западной Брянщины в составе Польши. Подтверждение этому дают некоторые факты о бытовании предметов польской материальной культуры в среде носителей говоров еще в XIX в., а потом бесследно исчезнувших.

Всего в словаре около 8 тысяч слов, записанных в следующих населенных пунктах:

Абаренки	Белогощ	Верканька
Азаровка	Белый Коло-	Веркивка
Александровка	дезь	Витемля
Андрейковичи	Березовка	Внуковичи
Бол.	Бёрновичи	Водвинка
Андрейковичи	Бобки	Волуец
Мал.	Бобовичи Нов.	Вормино
Анохово	Бобовичи Ст.	Воробейня
Анушино	Бородинка	Воронок
Ардонь	Бороздино	Высокое
Чернецкая	Борщово	Выстриков
Артюшкова	Брахлов	Вышков Нов.
Баклань	Бровничи	Вышков Ст.
Балдовка	Бугаёвка	Вязовка
Балыкино	Бучки	Вяльки
Басихино	Верещаки	Гарцево

⁶ М. И. Лилеев. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье в XVII—XVIII вв., стр. 31.